

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

*В обсуждении участвуют доктор философских наук, профессор, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета **В. А. Луков**, доктор философских наук, профессор, академик РАО **Л. П. Буева**.*

*Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор **П. С. Гуревич**.*

Гуревич П. Со школьных времен мы помним гражданскую войну в Англии, которая была помечена красивыми символами — Алой и Белой розы. Она стала поистине гражданской, хотя соперничали в ней Йоркшир и Ланкашир. Длилась эта бойня три десятилетия. В результате в ней погибло столько видных аристократов, что английскому королю Генриху VII потребовалось немало времени, чтобы восстановить этот социальный слой. В историческом описании этой бойни много красивого. Всадники, покрытые тяжелыми латными доспехами, тяжелая поступь коней. Стремительный полет стрелы, выпущенной из лука. И, разумеется, розы как символ любви и радости. Благородно, впечатляюще.

Но, оказывается, война вовсе не была гражданской. Историки рассказывают про несметное число жертв, разоренных земель. А ради чего? Обнаружено, что мы имеем дело не с историческими фактами, а с мифами, изготовленными после того, как сражения давно закончились. Теперь мы знаем, что война была династической. Но самое главное — все, что было в реальности, искажено, представлено совсем в другом свете. В XVI веке король Генрих Тюдор заставил историков переписать события войны так, чтобы они могли оставить в головах людей представление именно о династии Тюдоров, сокрушивших беспорядки и хаос, порожденные розами разных расцветок. Война на самом деле стала следствием борьбы за власть двух политических партий. Во время военных действий никто из воюющих сторон не убивал простых крестьян, поскольку рассчитывал завоевать поддержку простолюдинов. Жителей деревень не уничтожали, постройки не жгли. Кровавая суть войны, как выяснилось позже, не выглядела столь грандиозной. Ужасы, которые описывались историками, не являлись столь трагическими и романтическими. Картины смертельных противостояний, повлекших разграбление и опустошение, выдумали сторонники Тюдоров. Им было важно показать, что до их восшествия на престол в стране царил разруха и опустошение. А процветание началось тотчас же, как только на троне оказался Генрих VII. Да и тридцатилетней войну назвать невозможно. Вся эта кампания заняла всего 428 дней. Но вот что в какой-то степени можно назвать комичным. Названное противостояние двух групп феодалов никак не связано ни с Алой, ни с Белой розами. Красивое название сражений, судя по всему, обозначилось позже. Скорее всего, эти символы придумал Вальтер Скотт в XIX веке. А, может быть, и сам писатель стал заложником вымыслов, рожденных еще раньше. Не исключено, что мифологический вариант войны связан с В. Шекспиром. Ему принадлежит пьеса «Генрих VI». В ней есть сцена, когда соперничающие группы знати «кучкуются» в саду Темпля, где они собирают красные и белые розы.

Итак, неужели в истории царит вымысел, а в политике — мифология? Не исключено, что юмористическая фраза И. Ильфа, занесенная в записную книжку: «Когда усилилось преподавание истории в школе, все узнали, кем была Мессалина, и Матрена, переименованная на Мессалину, оказалась в безвыходном положении», таит в себе глубокий подтекст. А может быть, это частный случай, а в истории главенствуют только подлинные факты?

В связи с этим хотелось бы обсудить следующие вопросы:

1. *Когда и почему появилась политическая мифология?*
2. *Какую роль в истории играет политическая мифология? В чем ее польза или вред?*
3. *Какие политические мифы получили распространение в нашей стране сегодня?*
4. *Возможна ли деполитизация мифов?*

1. Когда и почему возникла политическая мифология?

Луков В. У политической мифологии много измерений, но у той, с которой начали вы, Павел Семенович, самые заметные очертания. Это измерение можно назвать фальсификацией истории. Для нашей страны сегодня это исключительно важный аспект проблемы, о чем мы, наверное, немало сегодня скажем. В этой своей фальсификационной функции, думаю, политическая мифология и политика неразделимы, так сказать, от рождения. Пример с Тюдором, на который вы сослались, разумеется, имел более ранние исторические прецеденты. Таков древний политический миф о божественности власти, которой располагал египетский фараон. Идея прямой связи правителя с миром богов в условиях религиозно-мифологического мышления всего общества — необходимый ресурс государственного управления, включая необсуждаемое право лишать жизни тысяч людей. Но и на фараона есть управа мифотворцев — фальсификаторов истории. Три с половиной тысячи лет назад фараон Аменхотеп IV отменил древнюю религию, впервые в человеческой истории ввел монотеизм — поклонение единому богу Атону, солнечному диску. Фараон взял новое имя Эхнатон, перенес столицу из Фив в совершенно необжитое место в 350 км пути по Нилу и по пустыне (это половина расстояния от Москвы до Петербурга), выстроил там город с храмами и дворцами и умер в 35-летнем возрасте (возможно, был убит). Его сын и преемник Тутанхатон умер в 18 лет, успев отменить религию отца, сменить имя на Тутанхамон. За 70 дней, ушедших на бальзамирование, ему в Долине царей под Фивами подготовили захоронение, как теперь выясняется, в усыпальнице отца, затерев имя Эхнатона. Летописцы вычеркнули и этих двух, и еще двух следующих фараонов из всех своих записей, до XX века никто не подозревал об этом грандиозном политическом и социокультурном изменении.

Буева Л. Это фигуры умолчания, хорошо нам известные по собственной истории, когда фамилии политических деятелей, объявленных «врагами народа», вычеркивались, буквально вымарывались в книгах. На одной фотографии рядом с вождем стоит, допустим, Троцкий, а позже на этом же снимке Троцкого нет. Фотография и та перестала быть документом. А это и есть искажение истории.

Луков В. Другая линия фальсификаций — воспевание добродетелей тех, кто волей судьбы или интриг, часто кровавых, оказывался у власти. Греческие и римские тираны изощренно умели делать это, задолго до нашего века освоив искусство пиара. Римский император Октавиан Август прославился тем, что запрещал своим подданным воспевать его. Но те в свою очередь не остались в долгу перед тираном и подробно рассказали о том, носителем каких добродетелей является их повелитель. Отмечались не только его личные гражданские качества, подчеркивалась и его репутация замечательного семьянина.

Буева Л. А уж когда другой тиран, Цезарь, проезжал в своей колеснице, впереди него мчался глашатай с совсем другими прославлениями. Он оповещал простых людей о том, что человек, которого они видят, имеет громадные заслуги. Использовались также и психологические приемчики. Шут, который бежал за колесницей, вопил: «Римляне, прячьте жен! Вот едет лысый развратник!» Народ только посмеивался: все знали, что Цезарь не скрывает своей увлеченности женщинами и каждая хотела бы попасть на глаза этому сладострастнику. Применялись также способы черного пиара. Об императоре

Септимию Севере отзывались многозначительно: «Он же с Дуная...». А это уже политический стереотип: все знали, что возле этой реки живут дикие люди, они необразованны, да нередко бывают и тупыми.

Луков В. Так же поступали и монархи Европы.

Гуревич П. Нет, пожалуй. В эпоху Средневековья следовало соблюдать уважение к власти. К этому как раз и обязывало представление о божественности власти. В исторических оповещениях есть и правда, и ложь. Иначе история действительно считалась бы опрокинутой политикой. И все же, если менялась династия, тут уж можно было не церемониться. Разрешалось использовать все средства дискредитации «плохих» политиков.

Буева Л. Властители понимали, что нельзя снимать позолоту с величия государства и ее держателей. Когда в Англии свергли законного короля из династии Плантагенетов, Ричарда II, тотчас же началась междоусобная война между Йорками и Ланкастерами. И все-таки один из политических мифов — рассказ о катастрофе, постигшей народ и спасение этого народа новым властителем.

Гуревич П. Виктор Пелевин в современном романе «S-N-U-F-F» иронизирует над этой мифологической традицией. Новый правитель Контекст, сообщает нам писатель, едва став властителем, вопит о национальной катастрофе, к которой привела Уркаину (условную страну будущего) прежняя клика, о бедственном демографическом положении, о том, что урка надо поставить в самый центр Уркаины, а не наоборот...

Луков В. Да, известный австрийский философ Эрнст Кассирер, обращаясь к технике политических мифов, пришел к убеждению, что они постоянно возобновляются в истории. По сути дела, они не содержат ничего нового. Возьмем, к примеру, представление о герое-освободителе, спасителе. Не случайно у Юнга выделен соответствующий архетип. Иными словами, коллективное бессознательное опирается на эту модель интерпретации героев, когда речь идет о личностях, становящихся ориентирами для целых народов в связи с крупными историческими событиями или целыми эпохами, требующими от народов высокого уровня социальной солидарности. Не случайно и то, что для многих видных историков сама история и есть жизнь великих людей. Британского историка и философа Томаса Карлейля, например, более всего в истории вдохновлял романтический культ героев, и название одной из его книг «Герои, почитание героев и героическое в истории» очень точно передает пафос автора.

Буева Л. Казалось бы, что тут плохого? Разве история не знает героев? Героическое играет огромную роль в жизни человека. В известном смысле оно является центральным и уходит своими корнями в человеческую природу. Если тщательно разобраться в природе героики, то можно считать, что мы имеем дело с универсальной человеческой проблемой. Героика, несомненно, обладает космической значимостью. Герой стремится быть центром космоса, быть Богоподобным. Тема героизма неразрывно связана с напряжением жизни и преодолением смерти. Культура в целом может рассматриваться как система кодифицированного героя, обещающего бессмертия и отвергающего смерть.

Гуревич П. Юнг полагал, что тема героя является архетипной, иначе говоря, именно она постоянно возобновляется как в жизни отдельного человека, так и в истории человеческого общества. Несмотря на фиксированность героического содержания, герой разнолик, в той же мере разнообразна и его судьба. Можно говорить о некоей схеме, которой подчиняется жизнь героя. Он неэпизодичен в том смысле, что возникает однажды по конкретному поводу и затем исчезает. Герою, которому суждено состояться, нужна своеобразная жизненная летопись, каждая страница которой наполнена содержанием. Политику, у которого нет своеобразной политической истории, нечего делать в истории. Его ждет забвение.

Луков В. Так-то оно так. Но ведь судьба героя — это политический миф. И кстати, нередко не такой уж безобидный. Во-первых, у Карлейля прослеживается романтизация

истории, прославление подчас мнимых героев, по крайней мере, не всегда достойных поклонения. Во-вторых, беззастенчивая апология разрушительной, точнее сказать, очистительной революции. Если в какую-то эпоху утрачивается героическое, тогда начинают обнаруживать себя массы, которые требуют вождя. И он является! Это может быть не обязательно Наполеон, но, скажем, и не Кромвель.

Буева Л. В то же время Карлейль писал памфлеты, в которых высмеивал возможную эмансипацию негров. Героика-то имела расовый подтекст.

Гуревич П. Но ведь идеализация прошлого — это стойкий политический миф. Известный современный историк Ханс Кёллнер пишет, что чем больше он изучает Французскую революцию, тем меньше ее понимает. Она никогда не была столь загадочна, как сейчас, несмотря не то, что объясняющий ее дискурс сегодня чрезвычайно богат и изощрен. Он даже приводит такую фразу: «Мы — хозяева прошлого». Это означает, что у каждого историка или политика может быть свой взгляд на давние события. Возможно, это и есть всевластие политического мифа.

Луков В. А концепция французского писателя и социолога Жозефа-Артюра Гобино, о которой тоже упоминает Кассирер? Гобино последовательно отстаивал идею, что упадок и гибель цивилизаций — прямой результат смешения рас. Сначала такое смешение выступает как источник развития, но ненадолго, потом приходит черед вырождения цивилизаций. Белая раса «первоначально владела монополией на красоту, ум и силу», утверждал Гобино с печалью в голосе, поскольку к его временам «вырождение» уже шло стремительно, и впереди маячили тяжелые для человечества времена. Потому — пока не поздно — нужно прекратить все попытки установить в обществе равенство. А в культуре приблизиться к рыцарским образам в духе Рихарда Вагнера: только герои спасут мир.

Буева Л. Разумеется, идея Героя, Сверхчеловека наверняка существовала на всех этапах развития человечества (это иллюстрируют древние предания и мифы) и продолжает существовать как общая тенденция философской мысли, как один из главных вопросов социальной философии и философской антропологии. Однако именно в XIX веке появилась ницшеанская концепция сверхчеловека, а в следующем столетии сложились теории элитизма. Не кажется ли вам, коллеги, что политическая мифология со временем набирает обороты?

Гуревич П. Кассирер все же подчеркивает, что оживить миф в новых условиях не так-то просто. Нужны новые технические средства. Хорошо, миф имеет давние истоки. Но возьмем, к примеру, прошлый век. Новый миф, по мнению Кассирера, сложился после Первой мировой войны. Источником ее может служить надвигающаяся катастрофа. Общие условия, подготовившие появление мифа XX в. и обеспечившие ему победу, сложились после Первой мировой войны. Во времена инфляции и безработицы социальная и экономическая жизнь Германии оказалась под угрозой краха. Казалось, что все реальные средства исчерпаны. Это была как раз та питательная почва, откуда могли возникнуть и черпать свои силы политические мифы.

Луков В. «Миф достигает апогея, когда человек лицом к лицу сталкивается с неожиданной и опасной ситуацией». Это тоже из Кассирера, который сослался на польского этнографа и социолога Бронислава Малиновского, считавшего, что миф действует одинаково, но не всегда проявляется с предельной мощностью. Из жизни среди аборигенов он вынес убеждение, что магия и мифология — не рутинное занятие, если нет сверхординарной задачи, нет необходимости и в сверхординарных средствах. Тогда нет повода обращаться к сагам и вспоминать о мифах.

Буева Л. Однако мифы обретают непреложность, если ситуация полна опасностей.

Гуревич П. Вот мы говорим о всевластии мифа. Нет ли здесь преувеличения? Одно дело архаические культуры, где магия выступает вместо научной экспертизы, философского концепта. Но в наш просвещенный век, когда весь мир представлен в виртуальных сетях, в газетах и журналах печатаются экспертные заключения, политики

взывают к здравому смыслу и рациональному суждению, откуда взяться политической мифологии?

Луков В. Миф в архаические времена вступает в силу, когда разум и попытка жесткой организации социальной жизни не приносят хороших результатов. Этнографы утверждают, что есть общества, которые не живут в состоянии хаоса и в силу этого не имеют развитой системы мифов и ориентированы на нормы жизни и традиции своего клана. В свое время, больше века назад, такие выводы сделали антропологи Уолтер Болдуин Спенсер (не английский социолог Г. Спенсер, это его однофамилец) и Фрэнсис Джеймс Гиллен. Их книга «Первобытные племена Центральной Австралии» в этом плане заслужила пристального внимания коллег.

Буева Л. Ну, вот видите. Даже в архаические времена миф не универсален в политике. А в современной ситуации, когда люди обращаются не к магии, а к философии, науке, средствам массовой информации, возможно, сфера мифологического сознания обуживается?

Гуревич П. Но, с другой стороны, можно ли говорить о свободе от мифа, даже в архаические времена? Ведь члены клана отказывались от определенной пищи, следовали конкретным ритуалам, которые воспроизводили трагические или драматические события их тотемных предков. Здесь, пожалуй, не столько мощь принудительной власти, сколько воздействие глубинных мифических представлений.

Луков В. Политика всегда чревата неожиданными катастрофами. Поэтому Кассирер и подчеркивает: Миф, всегда рядом с нами и лишь прячется во мраке, ожидая своего часа. Этот час наступает тогда, когда все другие силы, цементирующие социальную жизнь, по тем или иным причинам теряют свою мощь и больше не могут сдерживать демонические, мифологические стихии. Стало быть, миф не что иное, как персонификация коллективных чаяний.

Гуревич П. Французский ученый Дютте дал четкое определение лидерства и диктаторства. Наступает такой исторический миг, когда чаяния людей персонифицируются в конкретном лидере или предстают в индивидуальном обличье. Тогда прежние законы, правосудие в целом утрачивают свою силу, и высшее право передается вождю. Но это демонстрирует не только торжество мифа, но и его непрочность. Кумиры толпы вступают на помост, но и нередко сбрасываются оттуда.

Буева Л. Допустим, мы установили, что политическая мифология имеет давние корни. Но ведь современный человек не так наивен, как человек племени. Он располагает информацией, старается думать, выбирать. Современный политик не может действовать, как маг или колдун. Он что, тоже попадает под влияние социальной магии? Если даже это так, то современному политику нужны не только заклинания, но и социальные поступки. Как это соединить?

Луков В. Но ведь Карлейль дал рационалистическое объяснение общественным тенденциям, которые представляются совершенно иррациональными. Он рассуждал просто: вера в героя неизбежна, она является неизменным элементом человеческой истории. Такую веру невозможно вытравить, пока на земле есть человек.

Буева Л. Вера в героя, конечно, важна, но неужели этого достаточно для фабрикации политических мифов? Ясно, что нужны и определенные условия, чтобы миф ожил, оказался к месту и вызвал бы массовое поклонение иллюзорным стереотипам.

Гуревич П. Мы должны обратить внимание на тот факт, что политические мифы не только рождаются в глубинах коллективного бессознательного. В наши дни мифы подлежат умышленному сотворению. Было бы, очевидно, странно, если бы техническая цивилизация, претендующая на универсальность, не предложила бы собственную технику мифа. Французские философы показывают, что современный миф не только подвергает переоценке этнические ценности. Деструкции подвергается семантика речи. Английский психоаналитик Уильфред Бион показывает, что такое повреждение языка связано с депрессивным состоянием. Уходят те смыслы, которые слово несет изначально.

Возникают речения, обладающие значительной разрушительной силой: «Замочить в сортире», «У них слетит резьба» и т.д. Появляются слова, которые несут в себе дисфорические, т.е. злобно-тоскливые переживания — злобу, ненависть, бешенство, высокомерие, презрение и самонадеянность. Даже наиболее суровые деспотические режимы удовлетворялись лишь навязыванием человеку определенных правил действия. Они не интересовались чувствами и мыслями людей. Сегодня наши политики празднуют победу: эффективный политик вернулся в верховную власть. Но как оценить состояние общественного сознания? Разве оно не демонстрирует нам политическую апатию, параноидальную злобность, ощущение духовной пустоты?

Луков В. Несомненно. Социологи, по существу, не хотят погружаться в глубины массовой психологии, они предоставляют в наше распоряжение только «мнения». Но мы мало знаем о том, какие эмоциональные состояния вызревают в недрах социальной психологии. Между тем надо увидеть миф в его технологии. Миф сам по себе не выступает, подобно норме права, как разрешающий или запрещающий знак. Если правовое нарушение влечет за собой ясно сформулированные и принятые в виде соответствующих предписаний санкции, то миф лишь дает аналогию, из которой могут делаться те или иные выводы, например, в виде укоров совести или практик социального исключения. Сила мифов в том, что они освоены людьми, приняты с доверием и признанием. Часто это происходит в период первичной социализации, в семье, сопряжено в воспоминаниях с дорогими лицами, знакомыми запахами, вещами. Мифы, политические в том числе, сакральны не в том смысле, что повествуют о священном, а в том, что возбуждают сакральные чувства. Чужие мифы нас не возвышают, а разве что развлекают. От своих мифов не хочется отвернуться, даже если появились тома научных опровержений. Соппротивление вызывает не столько попытка навязать миф, сколько стремление отнять его. «Свой-чужой» здесь важнейшая разделительная полоса, и ничего не значат такие характеристики, как «истинный-ложный», «объективный-субъективный» и все в таком же роде.

Какую роль в истории играет политическая мифология? В чем ее польза или вред?

Гуревич П. Попробуем все же подойти к проблеме рационально. Можно ли назвать такой отрезок истории, где политический миф в основном бы отсутствовал? Условно говоря, политика, если такое можно помыслить, абсолютно рациональна и прозрачна. Даже собственные корыстные помыслы политики переводят на язык разумности и целесообразности. Разве Н. Макиавелли не обсуждает политические проблемы на языке трезвости и цинизма?

Буева В. Но зачем предлагать народу социальные фикции, поскольку реальная картина общественной жизни очевидна для каждого? Кроме того, граждане питают заведомо отрицательные чувства по отношению к любому вымыслу и попытке манипулировать сознанием масс.

Луков В. Полагаю, что такая историческая ситуация немислима. Даже в том случае, когда общественные события оказываются результатом выстраданной социальной мысли, когда расстановка политических сил ничем не замутнена, все равно есть место заблуждению, соблазну и добровольному самообману. Но и при таком уточнении все же картина не представляется сколько-нибудь полной. Я все время чувствую, что когда говорят «политическая мифология» (и даже в нашей беседе это есть), подразумевают сознательный обман масс народа, каких-то гнусных или беззащитных историков-идеологов, готовых «гениально все переписать» для злодеев-политиков, дающих тайный заказ на ложь подчас всемирного масштаба. Я думаю, что главное значение понятия «политическая мифология» базируется не на представлении о лжи, а на представлении о вере.

Гуревич П. Разве мы говорим только об обмане народов? Напротив, мы рассуждаем о мифе как неискоренимом антропологическом обнаружении. Стойким оказывается тот миф, который соответствует ожиданиям людей. Они сами готовы обманываться. Святая ложь нередко воспринимается как истина в последней инстанции. Но это вовсе не означает, что история — всего лишь мифология. Исторические факты можно извратить, но они все равно воскреснут в своей непреложности. В этом миссия историка, который разрушает мифы, но нередко их же и творит.

Луков В. Конечно, есть случаи сознательного переписывания истории: в 1990-е годы историки, получившие докторские степени в СССР, по грантам Сороса переписали отечественную историю XX века, в результате на смену красной идеологии советского периода пришла белая идеология, или лучше сказать — рябая. Пришлось создать при президенте РФ Комиссию по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России (очень выразительное название!). Все же и в этом случае сознательной фальсификации эффект веры имеет место, хотя бы как внутреннее обоснование для почти мгновенного превращения из красных в разноцветные — почти как в случае мгновенного обращения гонителя христиан Савла и превращения его в апостола Павла.

Гуревич П. Пример с Савлом вряд ли годится для иллюстрации козней Сороса. Смена жизненной ориентации может стать следствием жизненного катарсиса, а может оказаться результатом откровенной демагогии, приспособления и даже цинизма. Политик всегда располагает хорошо оснащенной механикой власти. Не потому ли многие философы пришли к выводу, что миф имеет безоговорочно конструктивный смысл. Вот что писал, к примеру, Фридрих Ницше: «Без мифа всякая культура теряет свой здоровый творческий характер прирожденной силы; обставленный мифами горизонт замыкает целое культурное движение в некое законченное целое». Миф, считает Ницше, обладает огромной скрепляющей силой. Если нет мифа, в обществе начинается бесцельное блуждание. Выходит, властитель обязан честно сказать народу: «то, что я предлагаю, похоже на сказку, но так нужно...» Ницше, вообще говоря, это исключает. Он полагает, что образы-мифы можно уподобить незаметным вездесущим демонам, которые стоят на страже. Под охраной должны расти молодые социальные силы. У государства нет более могущественных неписаных законов, чем мифы.

Луков В. Не только Ницше, но и многие другие социальные мыслители, были убеждены в позитивной роли мифа в истории. Собственно, отношение к мифу как к продукту суеверия и обмана — идея французского Просвещения. В какой-то мере это шаг назад в понимании мифа на фоне, например, глубоких мыслей Дж. Вико в его трактате «Основания новой науки об общей природе наций» (1725). Вико увидел в мифе особый способ познания. В чем эта особость? В органичной связи всех элементов бытия, в многозначности применений, двусмысленности ситуаций, оценок, иносказаний. У Вико миф — это божественная поэзия, которой свойственны детское восприятие мира, богатство воображения. Они полны чувственности, телесности, далеки от морализаторства. Существо здесь схватывается через эпизоды, оно проясняется через повествование. Это очень современный взгляд на миф, политический в том числе, с точки зрения его (мифа) применимости к каждой новой эпохе, какими бы революциями — на уровне новых паровых машин или новых айпадов — не определялось ее историческое лицо.

Гуревич П. Миф всегда полон глубокого смысла, необычайной поэтичности, сакральности. Он, разумеется, всегда предпочтительнее всякой политической доктринальности, статистических выкладок и морализаторских ухищрений.

Буева Л. Не потому ли, скажем, французский философ Жорж Сорель был первым, кто предложил новое прочтение мифа. В истории, по его мнению, царит социальный миф. Его можно сравнить с миражом, и, тем не менее, он оказывает немалое воздействие на экономическое развитие стран. При этом востребованными становятся самые

неожиданные фантазии. Миф в этой системе рассуждения — двигатель изменений в истории, инструмент преобразований. Французский социолог оправдывает любое заблуждение, поскольку оно может оказаться фактом великой силы.

Гуревич П. Правда, надо заметить, что миф Сорель толкует не вполне четко. Нередко он называет мифом любой социальный идеал. Сорель считал, что миф особенно значим в стрессовых и конфликтных ситуациях. Причем миф, по его мнению, всегда ситуативен. Иначе говоря, если сегодня миф обладает нужной социальной энергией, то завтра он может ее утратить, поскольку изменится историческая ситуация. Люди заблуждаются: отдавая должное той или иной социальной иллюзии, они полагают, что действуют абсолютно продуманно и рационально.

Буева Л. Но если миф получает еще и идеологическое подкрепление, он становится стройным и впечатляющим. Сорель называет в качестве примера действия средневековой инквизиции или террор 30-х годов в Советском Союзе. Эти события воспринимались людьми, как вполне логичные и даже объективно необходимые акции с целью сохранения устоев общества. Хотя миф оперирует символами, он нередко оказывается для отдельного человека не менее реальным, чем указания здравого смысла или научной истины.

Гуревич П. Можно полагать, что Сорель ошибается, когда относит миф лишь к обыденному сознанию. По его убеждению, миф не эксплицируется идеологией. Поэтому он пишет о мифах двух видов. В одном случае о явном или открытом мифе. Явные мифы — это сказки, эпос, легенды. Сорель не придает им должного значения, полагая, что они важны лишь для искусства.

Луков В. Думаю, он опять здесь ошибается. Некоторые отечественные авторы пишут о том, что, скажем, культурная архаика не имеет никакого отношения к национальному сознанию. Однако так ли это? Мы уже отмечали однажды, обсуждая другую тему, что в японских школах изучают не историю этого народа, а различные мифы, на основе которых складывается национальное сознание. Причем получается так, будто события, изложенные в мифе, происходили на самом деле и характеризуют японцев как бесстрашных, мудрых и нравственных людей. Можно себе представить, что, допустим, в российской школе вместо истории Древней Руси излагали бы сказания об Илье Муромце, Алеше Поповиче или Микеле Селяниновиче? Но такая подмена в Японии никого не смущает, напротив, она кристаллизует патриотизм, усиливает национальное сознание. Кроме того, надо учесть, что и летописная история — сплошной политический миф, нередко многократно переписанный на стертых страницах, чтобы соответствовать новой власти. В исследованиях, например, периода княжеских междоусобиц начала XI века излагаются версии, весьма далекие от того, что представлено в «Повести временных лет», и убийство Бориса и Глеба, возможно, не только должно быть разнесено по времени, но и связано с разными мотивами и совершено вовсе не Святополком Окаянным, а по приказу Ярослава Мудрого, который вел с Борисом борьбу за княжеский престол. Все это версии, и не место здесь обсуждать их обоснованность, но что в официальной истории остается многое из сконструированных политических мифов — несомненно. Да верно и то, что былинные богатыри должны быть поняты не как опозитизированные герои своего времени, а как важнейшее средство единения, когда сказитель не сообщает слушателям новую информацию о прошлом, а возбуждает дух народного величия.

Гуревич П. Сорель, вероятно, не прав, относя миф лишь к обыденным представлениям. Жак Лакан отмечал, что к числу устойчивых, структурированных фантазмов, которые определяют наше время, можно отнести представление о потребительском рае. Но ведь это представление основано на серьезных идеологических аргументах, а не только на массовом убеждении, будто каждому нужно иметь много замечательных вещей. Известно, что этот миф фундирован еще и экономической теорией.

Луков В. Мне хотелось бы также понять, справедлива ли мысль Сореля о том, что социальный миф порожден иррациональными движениями души, мистифицированными

мечтаниями о справедливом обществе. Сегодня любой социальный миф подкрепляется политиками экономическими выкладками, ссылками на авторитеты, идеями политической целесообразности. Сорель писал о том, что извержение вулкана есть не что иное, как обнаружение сакральной активности, которая бушует в недрах земли. Миф, мол, тонкая пленка, которая прикрывает гигантскую социальную деятельность. Но точно ли, будто миф — всего лишь видимый симптом? Вопрос гораздо сложнее. Ответы, возможно, надо искать в культурологических изысканиях нескольких веков, в школах изучения мифа и мифотворчества. Вспомним, как во второй половине XIX века боролись между собой две магистральные школы изучения мифа: школа, шедшая вслед за исследованиями Я. Гримма, и школа Э. Б. Тайлора. Первая сформировала лингвистическую концепцию возникновения мифа в результате болезни языка. Суть в том, что в метафоре постепенно утрачивается первоначальный смысл, и она отрывается от источника образа, становится основой мифа. Вторая школа — антропологическая или эволюционистская — видела источник мифа и религии в анимизме, в представлении о душе. Позже Дж. Фрезер скорректировал это видение и показал связь мифа с магией как древнейшей формой универсального мировоззрения. Так закрепилась ритуальная доктрина, и Кембриджская школа филологии утвердила постулат безусловного приоритета ритуала над мифом. Потом упоминавшийся уже Бронислав Малиновский дал функционалистскую трактовку мифа, где миф кодифицирует мысль, укрепляет мораль, предлагает определенные правила поведения и санкционирует обряды.

Буева Л. Есть повод, вспоминая Сореля, обратиться и к гораздо более ранним высказываниям Малиновского. Например, к такому: «...Миф может быть связан не только с магией, но и с любой формой социальной силы или социальных притязаний на власть. К мифу всегда прибегают для обоснования неких особых привилегий или обязанностей, вопиющих социальных неравенств, различных ранговых отличий высокого или низкого уровня». Но вернемся к Сорелю. Он явно симпатизирует мифу, который противостоит разумной и упорядоченной социальной жизни.

Гуревич П. Вот именно. Сорель считает справедливость фундаментальным принципом социальной жизни. Однако этот миф при всей своей праведности обладает огромной разрушительной энергией. Мы видим сегодня, что события в африканских странах, инспирированные утопией справедливости, имели серьезные негативные последствия для той или иной страны. Стоило одному человеку, которому не позволили торговать зеленью, прибегнуть к самосожжению, как фундаментальный принцип привел к неисчислимым жертвам.

Луков В. История не располагает прямым маршрутом. Ее события подчас кажутся лишенными здравого смысла. Мы можем хотеть будущего, но можем ли мы его построить? История хранит множество примеров, когда разумные идеи, пробудившие массы, не получали воплощения. И наоборот, иррациональные призывы находили массу приверженцев и обретали реализацию. Прагматика власти легко уживается с мифами, с политизированной мистификацией. Карл Маркс писал о том, что размышление над формами социальной жизни, а следовательно, и его научный анализ, идет по пути, совершенно противоположному действительному движению.

Буева Л. Поэтизация мифа приводит к тому, что многим политикам мнится, будто революция, при всей своей катастрофичности, мобилизует волю и надежды людей. Следовательно, она целесообразна.

Гуревич П. Так рождается своеобразная феноменология политического мифа. Например, французский философ Жозеф де Местр видит в политическом мифе область исторического опыта и памяти народов. Разум, считал он, не может изменить человеческое поведение и доискаться до их причин. Все сильное, прочное и органичное находится вне разума. Его доводы противостоят иллюзиям повседневного опыта. Миф наделяется также нередко огромным нравственным потенциалом.

Буева Л. Фридрих Шеллинг рассматривал мифологию как изначальную

человеческую историю. Он считал также, что миф всегда играл огромную роль в истории. Большое значение мифу придавал и Николай Бердяев. Он писал о том, что история и есть миф. По его убеждению, чем дальше эпоха удалена во времени от современности, тем больше о ней мифов. Исторические мифы имеют огромное значение, в мифе содержится передающийся в народной памяти рассказ не только об истории (событиях, фактах, датах), но и о роли человека в истории.

Луков В. В этом-то и суть. Посмотрите, как в характеристике основных черт мифа, наряду с чисто лингвистическими свойствами, М. Элиаде фиксирует такие, как: значение мифа является общим достоянием людей; миф принимается в качестве образца мышления. И далее еще более выразительно: миф является истинной историей; миф — священная история, в отличие от искусственных историй. Наконец: миф — образцовая история. К этому, думаю, надо будет позже вернуться в нашем разговоре.

Гуревич П. Бердяев считал, что историю нужно рассматривать в совокупности с человеком. Нельзя его выделить из истории. Равно как нельзя историю выделить из человека. Правильно понять историю можно, лишь осознав равенство между своей собственной исторической судьбой и судьбой человечества. Выходит, миф всецело позитивен. Его роль в истории огромна. Бердяев, правда, указывает, что не стоит критиковать миф с исторической точки зрения. Он лишь подчеркивает внутреннюю целостность мифа, подчеркивает, что в предании содержится символика судьбы народа. По сути дела, мы связываем социальную мифологию с архаическим обществом. Есть основания говорить о том, что убеждение Ницше, будто разум бессилён разрешить вопрос о смысле жизни, который решал миф, ошибочно. На это указывал в свое время Карл Ясперс. Он писал о том, что демифологизация не несет с собой утраты смысла человеческого существования, но при одном условии: если допустить существование бытия, трансцендентного мысли. Мы должны рассматривать миф как феномен современного массового сознания.

Буева Л. Так вот есть немало фактов, которые свидетельствуют о том, что политическая мифология не просто утрачивает свои позиции. Напротив, мы присутствуем при своеобразном ренессансе политической мифологии. Итак, сознание становится более онаученным, трезвым, а политика — мифологичной. Почему?

Гуревич П. Но ведь, прежде всего, мы знаем, что мир действительно становится все более и более политизированным. Разве мы не стали сегодня толковать все социальные проблемы через политику? Никогда в истории не фиксировалось такое обилие идеологических дебатов, мировоззренческих и логически выверенных аргументов. По сути дела, все проблемы в наши дни стали политическими. Допустим, сбор налогов в регионах, возвращение определенной части полученных государством доходов на места — можно ли считать чисто экономической или управленческой проблемой? Стоит только затронуть эту тему, и вы сразу окажетесь в центре политических разборок. Неужели вопросы здравоохранения или образования носят сегодня чисто инструментальный характер? Они каждодневно подвёрстываются под политику. Вспомним, какие политические страсти разыгрались после того, как некий гражданин написал письмо про украденную рынду. Рында, в конце концов, нашлась, а политическая горечь осталась.

Буева Л. Попробуйте, к примеру, начать обсуждение вопросов о пенсиях вне политики. Разве такое допустимо? Политизация, как это очевидно, связана с растущей ролью государства. Средства государственного воздействия не только умножаются, но и совершенствуются. Мы присутствуем при неизбежной централизации и сталкиваемся с тотальной организацией общества силами государства. Идея о том, что государство стало самостоятельным феноменом, сегодня не вызывает сомнений ни у кого.

Луков В. У меня несколько иной взгляд по этому вопросу. Возможности государства, безусловно, так велики, что призрак тотальности его влияния на общество кажется уже бродящим по миру. Но надо видеть и то, что сетевое общество по мере развития новых информационных технологий обретает черты автономной от государства

и самодостаточной системы социальных отношений. Сетевые отношения сопровождали, собственно, все этапы становления и развития государства, но их роль была подчиненной, частной, на государстве лежала объединительная функция народов. Сегодня в сетях отношения строятся без особого внимания к тому, что декларирует государство, здесь полно параллельных дискурсов. Это новая ситуация для мировой истории. Разумеется, государство пытается подчинить себе сети, находит изощренные средства манипуляции, подавления ит. д. Но это догоняющая стратегия, инициатива на стороне сетевых сообществ, которые выдвигают новые полумифические фигуры и на политическом поприще. Наберите в Яндексе слово «Навальный» — и вы получите 6 миллионов ответов о человеке, важнейшая характеристика которого до недавнего времени — автор одного из самых рейтинговых общественно-политических блогов в «Живом Журнале» (так написано о нем в Википедии). Столько же ответов дает, например, запрос в Яндексе о реальном видном политике в системе государственной власти В. И. Матвиенко.

Гуревич П. В самом деле, разве только государство инспирирует массовую политизацию? Разместите сегодня в виртуальных сетях любое категорическое суждение о жизни, и вы немедленно получите массу политических мнений на этот счет. А митинговая стихия, захватившая страну с южных гор до северных морей? Не стану вслед, допустим, за французским социологом Жаком Эллюлем называть факторы растущей политизации — благоприятная демографическая ситуация, средства ускоренной коммуникации. То, что раньше расценивалось как утопический взгляд на общество, где государство выполняло роль мозга, сегодня считается не только идеологически признанным, но основательно внедрилось в глубины нашего сознания. Мы, как полвека назад утверждал Эллюль, пришли к монистической идее власти. Мы безоговорочно признаем доминирующую роль политических отношений.

Буева Л. Да, мы считаем, что все без остатка должно быть подчинено власти государства. Но ведь такое убеждение мифологично. Государство вовсе не обязательно должно быть великим распорядителем, великим организатором. И вот парадокс — мы сами это признаем, мы верим, что для сохранения порядка государство должно обладать всеми полномочиями. Соответственно история тоже мыслится нами в качестве политической истории и никак иначе.

Луков В. Хорошо, если бы только так, но история сама нередко оказывается функцией государства. Мы начали с примера, который показал, что Тюдоры, обладая властью, смогли переписать историю. Казалось бы, такой урок должен быть учтен. Однако политизация истории — грозный симптом нашего времени. Когда страны Африки сбрасывают диктаторские режимы, эксперты с умилением пишут о том, что эти народы, наконец-то, входят в историю. Но разве они находились на обочине исторического творчества? Для таких экспертов без политики нет никакой истории. Что же тогда можно сказать о сложном социальном устройстве банту или преобразовании африканского континента народом манху? Оказывается, народы только тогда входят в историю, когда они начинают приспособлять свое государственное устройство и политическую жизнь к стандартам западной цивилизации.

Гуревич П. Еще одно неопровержимое свидетельство растущей политизации жизни — диктат социального факта. Нас теперь интересует информация как таковая, без учета ценностного измерения этих фактов. На это расхождение факта и ценности указал еще Макс Вебер. Оценивая то или иное событие международной жизни, мы в наши дни обращаем внимание на непреложность самого факта, а его аксиологическая оценка буквально смывается.

Буева Л. Одним словом, мы в большей степени анализируем действия европейских государств, направленные на установление «демократии» в африканских странах, но умышленно отвлекаемся от нравственной оценки происходящего, от учета тех откровенно корыстных мотивов, которыми руководствуются европейские политики. Развитие событий воспринимается как «правильное», «должное», если оно сопряжено с солидарной

поддержкой ряда стран. Если такая «сплотка» имеет место, то само решение получает индульгенцию. Прагматический расчет доминирует над нравственным, ценностным.

Луков В. Мне кажется, что такой подход к оценке общественной жизни выхолащивает исторические святыни, редуцирует их метафизический смысл. Что мы понимаем сегодня под справедливостью? По сути дела, речь идет лишь о распределении общественного богатства, о жизненных благах. Но разве справедливость сводится только к дележке? Мы вяло реагируем на такие факты, которые порождены наглостью, ощущением безнаказанности, вельможным поведением, несправедливостью судебных решений.

Буева Л. То же самое можно сказать о современной политизированной трактовке феномена свободы. Под ней подразумеваются, по сути дела, высокий жизненный уровень, продолжительные отпуска, возможность путешествий и разнообразие досуга. Однако при этом «опускаются», «выносятся за скобки» такие важные аспекты свободы, как чувство собственного достоинства, право на собственную индивидуальность и независимое мнение. Игнорируется также и свобода в оценке политических событий.

Гуревич П. Для полноты картины назову еще и такую ценность, как истина. Она, по сути дела, сведена к проблеме относительно точного изложения фактов. Со времен Сократа известно, что можно с предельной точностью излагать разные мнения, но при этом несколько не приблизиться к истине. Свобода, как известно, всегда трагична, она требует ответственности. Не проще ли в данном случае разделить то мнение, которое вам навязывают, и не терзаться в собственных раздумьях? Нетрудно заметить, что многие люди думают в полума, демонстрируют некое подобие аналитической мысли, которая на самом деле представляет собой воспроизведение прочитанной вчера газетной статьи авторитетного автора. В этих условиях человек вообще отказывается что-либо понимать. Он скорее реагирует на информацию, нежели самостоятельно размышляет над общественными событиями.

Буева Л. Кстати, политологи нередко сталкиваются с таким парадоксом. Избиратели недовольны властью, но все равно голосуют за нее. Так, скажем, примерно полвека назад опросы населения во Франции показали, что большинство французов отвергло социальную и экономическую политику де Голля, но голосовало за него.

Луков В. Похоже на реальность наших дней, не правда ли?

Буева Л. Пророчество стало неизбежным в современной системе социального управления.

Гуревич П. Да, политик — это самый стойкий предсказатель будущего. Даются самые невероятные и нереализуемые обещания. В эпоху бурного развития информационных технологий открывается много новых возможностей для создания политических мифов. В XX в. существенно возрос интерес общества как к древним, так и к футуристическим (предлагающим будущее) мифологиям, и не только в литературе и кино, но и в политике. В наши дни стало ясно, что древнейшие формы постижения мира не только не остаются у истоков истории, но продолжают жить. Представление о том, что какие-то формы человеческого духа могут быть окончательно изжиты, а ступени духовного восхождения попросту забыты, оказалось не более чем иллюзией. Обнаружилось, что человеческие достижения не утрачиваются, а сопровождают человеческий род непрерывно.

Луков В. Выяснилось, что миф далеко не простой феномен. Нет оснований оценивать миф как неправду, как некую мнимость и чистое заблуждение. Возникла догадка, что миф гораздо ближе к истокам человеческого существования, нежели, скажем, формы абстрактного умозрительного освоения реальности. Многие исследователи начали рассматривать миф как зашифрованные повествования о действительных событиях.

Буева Л. Другие ученые, скажем, К. Юнг или Э. Фромм, обращаясь к языку символов, который был столь понятен древним, стали прочитывать в мифе глубинный, неисчерпаемый и универсальный смысл.

Какие политические мифы получили распространение в нашей стране?

Луков В. Начнем, очевидно, с шокирующей мысли. Мы в нашей стране живем в пространстве явной политической мифологии. Можно сказать, что человечество всегда отдавало должное мифам. С величайшим почтением люди относились к верховным небожителям, к божественным песням Орфея или к богу Ра, плывущему по небу. Казалось бы, несколько веков рационализма должны были охладить энтузиазм мифотворчества, но, напротив, оно и сегодня характеризуется колоссальными размерами. С одной стороны, мнится, будто в обществе идет обмен мнениями, есть средства массовой информации, которые честно награждают желающих полноценной информацией, в Интернете можно отыскать самые неожиданные и даже абсурдные мнения. И все-таки общественное сознание буквально нашпиговано мифами.

Буева Л. Путин, нет сомнения, выдающийся государственный деятель. Так уж распорядилась наша отечественная история. Однако очевидно, что он появился на политическом небосклоне в конкретное историческое время. И возможности его как политика не беспредельны. Но отчего не истощается поток дифирамбов в его честь: «он поднял Россию с колен», «он покончил с хаосом и беспорядком», «он предотвратил национальную катастрофу» и т. д.? Не так ли рождается и конкретная мифология? Ведь когда какого-нибудь тирана в античные времена изображали как спасителя, многие граждане и помыслить не могли, что это миф. Они были убеждены, что это реальные заслуги властителя. Эксперты в один голос жалуются: «Путин никого не слушает, все делает по-своему». Польский сатирик Ежи Лец писал: «Иногда стойкая позиция является следствием простого паралича». В стране, где мифы о вождях прочно закрепились в общественном сознании, любое преувеличение может восприниматься как чистая правда. Но в условиях, когда началась политическая борьба, вдруг оказалось, что народу, партиям есть что сказать и об упущениях избранного президента.

Луков В. Вот, к примеру, была поставлена задача — Путин должен выиграть в первом туре. Но почему именно «должен»? Если бы не огромные идеологические усилия штаба премьера, мы бы все равно, очевидно, получили результат в пользу Путина. Но, по крайней мере, мы бы знали, что вообще люди думают о политике и властителях. Тем не менее, вокруг премьера стала оживать политическая мифология. Кинорежиссер Станислав Говорухин четко провел идею о том, что Путин — единственный из кандидатов, который может спасти Россию. Но почему именно «спасти»? Последние двенадцать лет Путин был у власти. А теперь, оказывается, что страна стоит на грани катастрофы. Не миф ли? Вспомним, в частности, начало нашей беседы. Любой властитель начинает не с объективной оценки сложившейся ситуации, а с критики того, что он наследует.

Гуревич П. Мы воздаем должное Владимиру Путину как видному политическому деятелю нашей страны. Однако в прославлении безоговорочного лидера страны сегодня легко обнаружить давний миф о Спасителе, который противостоит деструктивным силам в нашей державе. Спаситель народа, воскресая, побеждает врагов и приносит людям триумф и изобилие. Когда жизнь народа совсем беспросветна, образ Спасителя принимает зачастую духовный характер. К. Юнг показал, что харизматический лидер всегда архетипен. Иначе говоря, нельзя оказаться властителем масс, не опираясь на жанровые особенности судьбы социального героя. Сравнивая разных политиков, обсуждая их роль в истории, мы отчетливо видим некую архетипную нить, которая ведет лидера. Порою складывается впечатление, что он оказался заложником предначертанного жребия. Нередко видны и причины непоправимых ошибок вождей, которые пытались освободиться от оков названного архетипа. Юнг прав: социальный герой в кружении времен зачастую оказывается хорошо знакомым нам персонажем.

Луков В. Таким образом, социальная мифология имеет все шансы опираться на то

богатство сюжетов, которые выявил Юнг в своих многочисленных работах, посвященных этой теме. Здесь уместно сослаться на замечание выдающегося французского историка, одного из лидеров «Новой истории», вышедшей из школы «Анналов», Ж. Ле Гоффа: место исторических фактов занимают образы, обусловленные «социальными навыками мышления». Именно так, факт уходит в тень или вовсе исчезает из поля зрения, если социальные навыки мышления народных масс его не воспринимают как что-то значимое. То же касается персоналий в сфере большой политики. Вот почему вопреки здравому смыслу и повседневному опыту наблюдения за окружающими людьми в политической мифологии постоянно присутствует образ харизматического героя, тайного помазанника небес, пострадавшего или как бы «погибшего за своей народ» от его врагов, но чудесно восстановившего великое государство (то или иное) и духовно воплощающегося в каждом своем преемнике на троне.

Гуревич П. Инициальные формулы героического мифа открываются схемами всеобщего спокойствия и благополучия. Техницистская и трайбалистская типология в одинаковой степени предполагает бесконфликтное состояние. В исходной позиции лидерство отсутствует как социальный и политический феномен. Существует традиция. В техницистском варианте это ритмичное и непрерывное функционирование безличного механизма. Механизм отчужден от коллективистских социальных ценностей. Ритмичность, удовлетворение абстрактным критериям рациональной целесообразности — самостоятельная и центральная ценность в техницистской типологии.

Луков В. Миф о стабильности вполне соответствует трайбалистскому варианту политической мифологии. Здесь обеспечено постоянное воспроизведение устойчивых стереотипов социального и политического поведения. Техницистская и трайбалистская типология может создавать устойчивое или неустойчивое равновесие. Однако серьезное нарушение равновесия всегда сопровождается стремлением найти персонально окрашенные мотивы, которые и определяют дальнейшую динамику героического мифа. Неустойчивое равновесие предполагает отработанную систему процедур, которые автоматически возвращают трайбалистскую или техницистскую модель к исходному состоянию. Неустойчивое равновесие не требует развернутой персонализации. Поэтому состояние равновесия хотя и предваряет героический миф, еще находится вне собственно формул героического мифа.

Буева Л. Несмотря на имперсональность и статичность, формулы равновесия занимают важное и особое положение в системе героического мифа, особенно в процедурах моделирования политического лидерства. Политический лидер активно заявляет о себе в период, когда равновесие уже утрачено. Основная масса аргументов политического лидера строится как обещание восстановить и достигнуть равновесия и стабильности. Равновесие и стабильность — центральная формула социально-политического проекта, который предполагается политическим лидером. Перед выборами В. В. Путин не скупился пился на обещания. Но теперь, когда пришло время реализовать эти посулы, оказалось, что такими возможностями власть не располагает. Как быть?

Луков В. Лидер не может восприниматься в качестве лидера, если он не обозначает образ врага. И в ходе выборов властитель четко назвал противниками тех, кто несет оппозиционные настроения. Равновесие нарушено. Пора действовать — враг назван и уже приступил к деструктивной работе. А в общем-то это постоянный сценарий в рамках политической мифологии, имеющий в нашей стране (впрочем, как и в мире) очень давние технологии. Как хлестко бил в своих посланиях Андрею Курбскому царь Иван Грозный этого раннего оппозиционера! При этом опирался на безусловное свое преимущество: помазанник божий не на равных состязается с политическими конкурентами, он и есть власть и правда, а они — посягатели на устои, предатели. Петр I патриарху, сопротивлявшемуся ставке в петровских делах на иноземцев, с «приличным гневом» говорил: «Замыслы наши, может быть, великие, — а ты их знаешь? Мы моря

хотим воевать... Полагаем счастье нашей страны в успехах морской торговли. Сие — благословение господне... Мне без иноземцев в военном деле никак нельзя... А попробуй — тронь их кирпичи да костелы, — они все разбегутся... Это что же... (Он стал глядеть на бояр поочередно.) Крылья мне подшибаете?» (цитирую по роману А. Толстого). Когда наш лидер такой — с великими замыслами, с неистовой готовностью все преодолеть, — его нельзя не принять как «своего», как «нашего».

Буева Л. Вот миф и готов. Нет сомнений в том, что в современных условиях надо бдительно следить за действиями политиков других стран. В условиях глобализации властвуют экономические интересы. Но зловещий образ врага — это тоже политическая мифология. Правда ли, что другие страны зорко следят за нашими делами, чтобы немедленно напасть на нас? А может быть, порой мы сваливаем на врагов собственные промахи, серьезные ошибки? Миф о «враге» немедленно обрастает подробностями, легко произрастает на психологической почве.

Луков В. Более того, на фоне этого мифа некая правда и не нужна, и неправда она вовсе. Здесь, без сомнения, место рационального замещает коллективное бессознательное, которое преобразуется в политический выбор народа. То, что основания для выбора мифологизированы, — не только не недостаток, а, напротив, достоинство ситуации. В переходный период другого и быть не может. В этой связи хочу вернуться к вопросу о мифе как образцовой истории, о котором я раньше заявил. Мы уже все вместе показали, что история переписывается и переосмысливается на каждом новом витке ее развития. Говорят, у России не только непредсказуемое будущее, но и непредсказуемое прошлое. Это верно и для других народов и стран. Но если это так, то приходится признать вполне естественной сформировавшуюся не так давно концепцию альтернативной истории. Википедия пишет, что это — «жанр фантастики, посвященный изображению реальности, которая могла бы быть, если бы история, в один из своих переломных моментов (точек бифуркации, или точек развилки) пошла по другому пути».

Буева Л. Жанр ли это фантастики, если изображается реальность?

Луков В. В самом деле, это вопрос, поскольку объектом переписывания истории становятся не просто реальные события, а такие, которые имеют высокое ценностное значение для огромных масс людей. Так стало со Второй мировой войной, ее движущими силами, ее победителями. В студенческой среде меня как-то спросили, а в самом ли деле Гитлера убили во Франции? Пока еще просто задается вопрос, потому что вроде есть какая-то другая информация, но откуда-то взялась и «парижская» версия. Откуда же? В 2009 году Квентин Тарантино снял фильм под названием *Inglourious Basterds* — специально с одной грамматической и двумя орфографическими ошибками в названии. Переведено на русский как «Бесславные ублюдки» («Коммерсантъ» предложил вариант «Безславные ублюдки»).

События фильма таковы. Некий лейтенант Альдо Рейн (его играет знаменитый голливудский актер Брэд Питт) с группой собранных им американских солдат-евреев отправляется во Францию, находящуюся под гитлеровской оккупацией, чтобы мстить за холокост. Отряд получает прозвище «Ублюдки». У отряда свой фирменный стиль: с немцев, которых убивают, они снимают скальпы, и Тарантино с садистским удовольствием это демонстрирует самым крупным планом. Группа Альдо узнает, что в Париж приезжают Гитлер, Геббельс и, собственно, вся верхушка Третьего рейха на премьеру пропагандистского фильма. У «ублюдков» не все сложилось, и план взорвать кинотеатр не сработал, но в это время, не сговариваясь с ними, некая Эммануэль, хозяйка кинотеатра, а в прологе — еврейская девочка Шошанна Дрейфус, которая единственная спаслась, когда эсэсовцы расстреливали ее семью, вместе с работником кинотеатра Марселем (почему-то негром) поджигает здание, а оставшиеся в живых «ублюдки» поливают свинцом из всех стволов гитлеровскую верхушку. И Гитлер, и Геббельс, и все остальные «не наши» гибнут.

Журнал «Тайм» по поводу придуманной Тарантино новой концовки Второй

мировой войны написал: «Все же знают, чем закончится дело. Плохие парни проиграют. Гитлер погиб в своем бункере. Где тут интрига? Где неопределенность? Для большинства фильмов о войне исторические факты — нечто неприкасаемое». Совершенно в духе американского понимания мира, где реальность, пропущенная через технологии компьютерных игр, становится продуктом для людей, прошедших через «плавильный котел народов», когда уже национальной истории нет, если она не американская.

Буева Л. Но альтернативная история — не только американская идея, в политической мифологии многих народов история предстает в таком альтернативном виде.

Луков В. Очевидно, что и мы не оказались в стороне, даже когда речь идет о Великой Отечественной войне и других важнейших вехах нашей истории. В комментариях к тому же фильму Тарантино российский критик из «Ведомостей» Юрий Гладильщиков восклицает: «Давайте наконец видоизменять историю в кино, как нам нравится... потому что в браке между кино и историей главная не история, главное — кино». Вот так. К теме о распространении политических мифов в нашей стране это имеет прямое отношение. Сегодняшний молодой человек, зная, что Тарантино — выдающаяся фигура в кинематографе, посмотрев «Убить Билла» и что-нибудь в этом духе из его творчества, получит информацию о войне именно из «Бесславных ублюдков» и будет на эту информацию реагировать, стремиться ее доосмыслить. Она представлена в формах, им хорошо освоенных с детства, это формы компьютерных игр, где побеждает не народ, не армия, а герой, у героя в запасе есть бонусы, две или больше «жизни», с ним можно вернуться на начальный уровень и снова идти на врага — хоть монстра-инопланетянина, хоть на Гитлера разница!

Фактически такая «правда» об истории становится решающей для немалой части молодых людей в том, как видеть прошлое, настоящее и будущее. Надо добавить, что Тарантино не очень-то оригинален в альтернативной истории, в киноверсиях история фальсифицируется давно, это привычное дело. Вот, к примеру, американский фильм *The Dirty Dozen*, еще 1967 года. Он тоже о Второй мировой войне. Тут майор беседует в тюрьме с заключенными, формируя группу для высадки в тылу фашистов. На экране рука об руку белые и негры в американской военной форме совершают подвиги. Но этого не могло быть: расовое разделение в армии США было отменено только в 1948 году. Это как бы забыто: к чему буквоедство в таких случаях?

Гуревич П. Но еще одна область мифотворчества — идеализация истории. Сегодня печать и телевидение признают лишь такой вариант прошедшей войны, в котором Сталин выступает как великий полководец и организатор военных действий. Фильм «Жуков», прошедший недавно, получил немало критических отзывов, поскольку сам полководец в этих сериях решает собственные лирические проблемы, а Сталин показан коварным и жестоким человеком.

Буева Л. А вот и мифология войны в новом фильме по роману Бориса Акунина «Шпионский роман». Подлинной правды в нем нет. Но ведь и раньше историю дописывали, как хотели. Михаил Чиаурели в образе Сталина в фильме «Падение Берлина», весь в белом, прилетал в поверженную столицу Германии и сходил по трапу.

Луков В. Особенность мифологического сознания — его непрерывность. Сюжет не заморожен, возникают новые и новые сюжетные повороты.

Гуревич П. Еще один политический миф — постоянное реформирование. Разумеется, в любом социуме накапливаются проблемы, которые требуют аналитического внимания, устранения отживших форм управления и т. д. Однако в наши дни реформа стала отождествляться с «бегом на месте». Имитируются немислимые потуги, изображается невиданный энтузиазм. А в итоге ломке подлежат те социальные устои, которые давно доказали свою значимость. Когда реформа доказала свою бесполезность, что подсказывает мифологическое сознание? Нужно продлить реформу, подвергнуть изменению сухой остаток. Так происходит сегодня с реформированием полиции.

Движение все, цель — ничто. Нет необходимости снова говорить о реформе образования. Здесь паранойя обретает фантастические формы. Министерство образования придумало новые правила, которые, по мнению чиновников, позволяют повысить качество научных исследований. Отныне защита объявляется недействительной, если члены совета не сидят на своих местах на протяжении всего ритуала. Во время обсуждения нельзя выйти. Логика идиотская: пусть сидят и слушают... Но ведь можно сидеть и не слушать. Такие правила могут быть эффективны в условиях полицейского государства. Но качество научной работы здесь не просматривается. Или переименование милиции в полицию. На реформу МВД было выделено 217 млрд рублей. И каков результат? Нулевой. Те же преступления полицейских чинов, та же коррупция. Реформы во всем и всегда — разве это не дань политической мифологии?

Буева Л. Известный американский политолог Роберт Даль считает, что за 120 лет со времени публикации «Манифеста Коммунистической партии» ни одна страна не развивалась в соответствии с марксистской моделью конфликта, а также не возникало ни одного режима, гегемонистского или конкурентного, который бы пал бы или претерпел существенные изменения из-за четко выраженной поляризации рабочего класса и буржуазии. Велико искушение довериться мифу. Ведь он нередко кажется таким домашним, обыденным. Вот Путин узнает о том, что избиратели его поддержали. Он тронут, он вознагражден. Глаза источают слезу. По-человечески это понятно. Но ведь мы знаем, что политтехнологи и власть немало потрудились над тем, чтобы зачистить политическое поле, принудительно мобилизовать массы любыми средствами — от угроз до материальной поддержки. И эта реальность начисто смывается слезой президента, которая тоже рождает миф.

Возможна ли деполитизация мифа?

Луков В. Миф чрезвычайно устойчив, раз возникнув, он передается из поколения в поколение и сохраняется с удивительным рвением. 13 июня 1886 года на берегу Штарнбергского озера близ Берга было найдено тело короля Людвига II Баварского. Его смерть и сегодня загадка, но еще больше загадочна его жизнь. В его роскошных замках туристские потоки не пресекаются. Но в свете нашей темы не это важно. П. И. Ковалевский в свое время написал замечательный «психиатрический эскиз по истории» о Людвиге, в котором после представления множества фактов, без сомнения свидетельствующих о сумасшествии короля, задается вопросом: каким образом при массе подобных примеров король не только мог оставаться королем, но и заслуживать любовь приближенных, расположение окрестных жителей, уважение всех граждан и почтение от иностранных правителей? И отвечает: король жил крайне уединенно и одиноко, и его жизнь была известна только приближенным, а в государственных делах Людвиг отличался замечательным знанием дела, ясностью понимания и необыкновенной проницательностью. «Наконец, самые его болезненные увлечения художеством, музыкой и архитектурой могли в его подданных возбуждать только беспредельное уважение и восхищение». Вот источник мифа. И спустя не столь уж много времени, всего-то век с четвертью, безумства короля и разорение им государственной казны на свои причуды (что должно было бы возмущать расчетливых немецких бюргеров) уходят на задний план, а на переднем остается светлый образ «немецкого Гамлета». В Баварии и сегодня существуют общества почитателей Людвига с немалым числом активных членов, о нем сняты четыре фильма, написан мюзикл «Людвиг II — тоска по раю», сложены народные песни. И даже в сюжете одной из популярных компьютерных игр использованы события его реальной и легендарной жизни. Между тем, Людвиг — не герой из Средневековья, чтобы стереть действительные черты личности и заменить факты житием.

Думается, здесь миф выполняет свое назначение как скреп социальной солидарности. Действительность мифу не мешает в том смысле, что в сконструированном

в сознании человека мире действуют принципы тезауруса, построенного по модели «свой-чужой». А значит, как говорил Гамлет (не немецкий), «скорее красота стащит порядочность в омут, чем порядочность исправит красоту. Прежде это считалось парадоксом, а теперь доказано». Вот и здесь: скорее миф стащит действительность в омут, чем действительность исправит миф.

Буева Л. Замечательно все-таки говорит Э. Кассирер в своей работе «Техника современных политических мифов»: «Философия бессильна разрушить политические мифы. Миф сам по себе неуязвим. Он нечувствителен к рациональным аргументам, его нельзя отрицать с помощью силлогизмов. Но философия может оказать нам другую важную услугу. Она может помочь нам понять противника. Чтобы победить врага, мы должны знать его. В этом заключается один из принципов правильной стратегии. Понять миф — означает понять не только его слабости и уязвимые места, но и осознать его силу. Нам всем было свойственно недооценивать ее. Когда мы впервые услышали о политических мифах, то нашли их столь абсурдными и нелепыми, столь фантастическими и смехотворными, что не могли принять их всерьез. Теперь нам всем стало ясно, что это было величайшим заблуждением. Мы не имеем права повторять такую ошибку дважды. Необходимо тщательно изучать происхождение, структуру, технику и методы политических мифов. Мы обязаны видеть лицо противника, чтобы знать, как победить его». Иначе говоря, мы вряд ли можем противостоять политическим мифам иначе, как освоить их пространство изнутри, подчинить их своим политическим целям.

Луков В. Вот почему мне представляется возможным переосмыслить поставленный вопрос, поставить его иначе: нужна не деполитизация мифа, а демифологизация политики. Насколько это возможно с учетом того, что только что прозвучало с отсылкой к Кассиреру? В сложившейся системе координат, скорее всего, невозможно. Политика, какой она сложилась за века, тысячелетия, не поддается демифологизации, первая соединена со второй неразрывно. А с учетом того, что не только политика, в смысле смены правящих элит «львов» и «лис», как это выглядит у Макиавелли и спустя века — у Вильфредо Парето, но и политика, ориентированная на социальную справедливость и процветание народов, в равной мере мифологизированы, всякие изменения только подорвут ее основы и приведут к смутным временам. Другое дело — демифологизация политики в условиях, когда в обществе ее роль меняется и в той или иной мере отходит на задний план. Информационное общество в зародыше содержит такое изменение. Уже сейчас видно, что культурный фактор отесняет на второй план фактор экономический. Во всяком случае, делает его менее заметным в системе ценностей, которые отстаиваются на баррикадах. Может быть, настанут времена, когда можно будет воспользоваться рекомендацией Бронислава Малиновского не запрещать войны, а стараться их смягчать так, чтобы шаг за шагом они превратились в спортивные состязания. Впрочем, стычки футбольных фанатов и эту мечту делают не столь отличающейся от того, что происходит в большой политике.

Буева Л. Верно ли, что историческая истина относительна? Любое историческое решение немедленно обрастает мифами, которые закрепляют правомочность данного события. Жак Эллюль далек от романтизации нацистского режима. Он видит историческую справедливость в том, что нацизм был побежден. Однако это не мешает ему представить мир в таком ракурсе, который позволил бы Гитлеру одержать победу. Мы тогда ничего не услышали бы о гитлеровских концентрационных лагерях, о массовых убийствах и об экспериментах над людьми. Сталина вполне могли бы, как это ни кощунственно, признать политическим преступником. В случае победы Гитлера режим в Германии претерпел бы известные изменения. На первое место выдвинулась бы не классовая борьба, а борьба между расами. Нацистская доктрина была бы тогда углублена и развита, вклад в это сделали бы видные философы, такие, как Мартин Хайдеггер.

Луков В. Мне кажется, что примером демифологизации в известном смысле может служить феномен Михаила Прохорова. Его относительный успех на выборах во многом

обусловлен стремлением Прохорова создать «внеидеологическую партию», чтобы была не правой и не левой. Деление на либералов и центристов, говорят сегодня политологи, не отражает политических реалий. Интересно, что на этом фоне были совершенно забыты Куршевельские каникулы кандидата в президенты, обошедшие ему, как сообщают СМИ, в 20 миллионов евро. В стране, где, по публикациям тех же СМИ, 21 миллион бедных. Занимательное соответствие этих двух чисел...

Гуревич П. Обсуждение привело нас к парадоксальному выводу: история мифологична, а миф — историчен. Огромные, сложные изменения, происходящие в стране, казалось бы, должны вернуть нам благоразумие, трезвость рассудка, идейную незаангажированность. Можно было бы ожидать, что распад моноидеологии приведет повсеместно к утверждению свободной мысли. Между тем, нет сейчас более расхожего слова, нежели «миф». Им обозначают прежнюю идеологичность сознания, но с мифом связывают и нынешнюю иллюзорность многих социальных проектов. Одним и тем же знаком метят сторонников рынка и тех, кто испытывает ностальгию по государственной опеке, западников и славянофилов, приверженцев русской идеи и поклонников глобализма, провозвестников личности и державников, демократов и монархистов.

Одни публицисты ранжируют мифы, демонстрируя тем самым свою независимость от стойких стереотипов. Но их оппоненты не остаются в долгу. Автономная, альтернативная позиция как противовес господствующей тоже, если к ней приглядеться, восходит к сокровищнице мифа. Неужели современное сознание мифологично во всех своих вариантах? Можно ли обеспечить аналитически достоверное постижение реальности или отныне диктат мифа неотвратим? Может ли сознание преодолеть собственные идолы? Способен ли разум разорвать оболочку духовного трафарета или на интеллектуальный помост ступают одни фантомы? Наконец, нужна ли нам идеология в эпоху идеологизации и реидеологизации?

Разумеется, все эти вопросы возникают перед исследовательской мыслью не впервые. В минувшем столетии к мифу как феномену духа, сознания было приковано внимание крупнейших ученых — философов, культурологов, социологов, историков. В обстановке идейных размежеваний родилось немало проницательных интуиции о мифе. Возникли принципиально новые трактовки этого духовного феномена. Зафиксированы поразительные обнаружения мифа в современной культуре, выявились парадоксальные провозвестия о его судьбе.

И вместе с тем не сложилось единой точки зрения на этот древний и современный феномен. Показателен разброс суждений и оценок. Сциентистски ориентированное сознание по-прежнему противопоставляет мифу достоверности разума, идеи. Критическое, гуманитарное, антропологическое мышление, напротив, усматривает в мифе некое универсальное прозрение. Миф изобличается и возвеличивается.

Чрезмерное мифологическое пространство, скованное в свое время обручем идеократии, в наши дни распалось, расколосось. Но истаяли ли мифические сосульки? Увы, драматизм нынешней ситуации состоит в том, что на прежнем материке гнездится теперь множество мифов, давно или только что рожденных. Они не просто противостоят друг другу, но претендуют на некую универсальность, порождая иллюзию тотальной поврежденности аналитической мысли.

Миф мешает нам давать трезвую и социально ответственную оценку многим нынешним событиям. С этой точки зрения мифотворчество — опасно и пагубно. Но как быть, если миф выглядывает буквально из каждого окна? Что делать, если феноменологии мифа уверяют нас в неустранимости иллюзий и социальных грёз? Мне кажется, наше обсуждение показало, что мифы рождаются, живут и умирают. Всякая идеологизация неизбежно порождает стремление к высвобождению от ее оков. В той же мере идейная незаполненность порождает тоску по реидеологизации.

Да, мифы неистребимы, поскольку возобновляются труднонасыщаемой антропологической потребностью. Означает ли это, что можно смириться с тотальной

мифологизацией? Понятное дело, нет, ибо она отражает подсознательное, а порой и преднамеренное стремление идеологизировать все стороны нашего бытия. Однако политическая мифология не должна парализовать общественную жизнь. Научная интеллигенция, возможно, повинная в утверждении определенных социальных мифов, способна развенчивать иллюзии и освобождать общественное сознание от социальных галлюцинаций, мешающих динамике общества. Свободная мысль освобождает сознание от духовных трафаретов.